Великое чудо

По радио сказали: «В Москве умер Самуил Маршак...». И меня, двенадцатилетнего пацана, это известие оглушило. Я уже был не настолько наивен, чтобы не понимать: что ОНИ, писатели, тоже умирают, как и все люди. Как вот наш сосед, конторский бухгалтер дядя Миша Конев, или баба Фёкла Саворовская. Всех, конечно, жалко, пусть бы себе жили да жили. «Но особенно пусть бы жил Самуил Маршак, — горестно думал я тогда. — Неужели он теперь никогда не напишет таких чудных стихов, как "Вот какой рассеянный"или про "Багаж", "Детки в клетке"? Эти лёгкие и ритмичные, очень озорные строчки, от которых рот невольно растягивался до ушей, хотелось читать и читать. И вот поэта не стало...

Был знойный июльский день, отец приехал с работы на обед на дребезжащей телеге и не стал заезжать во двор, а привязал лошадь к штакетнику палисада, в котором на ветвях клёна беззаботно чирикали воробьи, мама хлопотала во дворе. А меня, несмотря на эту пасторальную идиллию, душили слёзы. И я, чтобы никто не видел, как плачу, забрался на пыльный чердак и там, под сушившимися берёзовыми вениками, дал волю своим чувствам.

Это был первый умерший человек в моей жизни, по ком я лил слёзы, настолько мне было его жалко, и так я не хотел смириться с его утратой. Но уже на следующий день я пошёл в нашу сельскую библиотеку и снова взял почитать сборник стихов Маршака. И он опять был со мной, и я, забыв, как буквально вчера давился слезами на пыльном чердаке после известия о смерти любимого писателя, снова от души хохотал над забавными приключениями героев его стихов. Именно тогда я понял, что такие писатели, как Самуил Маршак, хоть и умирают, когда и им приходит срок, всё равно остаются с нами в своих книгах,

своих мыслях, словах, подобранных и составленных на бумаге таким удивительным образом, что задевают невидимые струны в душах своих читателей, заставляют их сопереживать, смеяться или плакать, грустить или ликовать.

Маршак, конечно, не был моим единственным любимым писателем в детстве. Пристрастившись к чтению с самых ранних лет, я глотал книги одну за другой, как мамины вкуснющие пирожки, и раз за разом открывал для себя новых мастеров художественного слова. Это были и Виталий Бианки, и Николай Носов, Корней Чуковский и Джанни Родари, Агния Барто и Сергей Михалков.

А скоро наша бессменная библиотекарша тётя Поля разрешила мне брать книги «взрослых» писателей, и я зачитывался произведениями уже Михаила Шолохова и Константина Паустовского, Антона Чехова и Ивана Тургенева, Эрскина Колдуэлла и Джека Лондона и многих других авторов, обессмертивших свои имена замечательными произведениями. И не было такой среди их книг, которые не затуманивали бы мои глаза романтической дымкой, не заставляли бы капать слезами на их страницы или улыбаться — так велика была сила слова, произведённого гениальным разумом этих обычных с виду (если судить по портретам) людей.

К произведениям таких авторов, которых принято называть классиками, хочется всегда возвращаться, заново перечитывать их и наслаждаться великолепным литературным слогом, упиваться музыкой их слов и проникаться глубинным смыслом их рассказов, новелл, повестей, романов, заставляющих по-иному смотреть на известные вроде бы понятия и явления. Ушедшие в своё время в физическое небытие, эти писатели продолжают незримо присутствовать среди нас и властвовать над нашими умами в своих бессмертных произведениях...

Сегодня на моей книжной полке, кроме томиков Маршака и других мастеров литературы, стоят даже книги тех авторов, кого я лично знал и которых уже никогда не увижу, не поговорю с ними. Но со мной говорят их произведения. И это великое чудо! Такое же чудо происходит с оставленными нам в наследство их творцами музыкальными произведениями, архитектурными ансамблями, скульптурами, картинами, фильмами. Это чудо называется искусство, предназначение которого — делать людей лучше, умнее, благороднее. За что низкий поклон служителям всех искусств, наделённым Божьей искрой таланта, в том числе — моему навек любимому писателю Самуилу Маршаку!

Простите меня, дядя Вася...

Па днях, выйдя на прогулку, увидел у соседнего подъезда карету скорой помощи. Здесь, я знал, живёт единственный в нашем доме участник войны дядя Вася. Он часто выходил на прогулку и быстрым шагом, бодро постукивая по асфальту тростью, делал несколько кругов по периметру двора и усаживался отдыхать на скамью у своего подъезда.

Прошлой осенью мы разговорились, вот тогда я и узнал, что Василий Иванович (он разрешил мне называть его дядей Васей) был фронтовым шофёром, подвозил на грузовике снаряды, вывозил раненых, попадал под артобстрелы, бомбёжки, несколько раз был ранен, сильно контужен. Из-за этой контузии его, после лечения в госпитале, и списали вчистую за год до Победы.

Он вернулся в свой Иланский район, откуда уходил на фронт в 1941, с боевыми наградами, и продолжил шоферить — до самой пенсии и ещё лет десять после выхода на неё. Женился, детей с женой нарожал, по-моему, троих. Когда пережил любимую супругу, старшая дочь забрала его к себе в город, вот в этот наш дом.

- Она у меня врач, и это благодаря ей я ещё жив, рассказывал дядя Вася. У меня уже два инфаркта было, и доча оба раза вытаскивала, считай, с того света, спасибо ей...
- Дядя Вася, а давайте я про вас напишу, предложил я. Только нам с вами надо будет немного подготовиться. Вы свой наградной пиджачок с орденами и медалями наденете, я диктофон и фотоаппарат приготовлю, и мы более подробно поговорим о вашей жизни.

И он вроде согласился. Но когда я, в назначенный день и час, вышел во двор и подошёл к лавочке, на которой (минута в минуту!) дожидался Василий Иванович, он огорошил меня неожиданным отказом.

– Дочь запретила, – конфузясь, сообщил мне фронтовик. – Сказала, что мне ни в коем случае нельзя волноваться, а то сердце опять может... того...

Я, конечно, немного расстроился. Но понимал, что дочери-врачу, все последние годы «ведущей» своего немолодого (под 90 лет уже) больного, израненного отца, виднее, что ему можно, а чего нельзя. Вон у него и так уже пальцы на рукояти трости стали мелко дрожать. И я не стал тогда ни диктофон вынимать, ни фотоаппарат расчехлять. Но затею свою расспросить его более подробно не оставил.

Решил, что, когда Василий Иванович подзабудет это несостоявшееся интервью, опять к нему подсяду с включённым в кармане диктофоном и исподволь выведаю недостающую для полноценного очерка информацию и всё равно напишу о нём. Но Василий Иванович всё не появлялся во дворе.

Вот уже и Новый год прошёл, и непривычно тёплый февраль — самое время для прогулок! — перевалил за первую декаду, а знакомой, слегка согбенной фигуры я так больше и не увидел. И вот вчера, при виде этой скорой, подумал: не к Василию ли Ивановичу она приехала? И спросил об этом на выходе со двора у охранника, вышедшего покурить из своей будки.

— Это который фронтовик, что ли? — позёвывая, переспросил охранник. — Так он помер, перед Новым годом. Вот так же скорая приезжала, да только зря — инфаркт у деда был, не откачали...

Не скажу, что я был потрясён — мало ли пережил смертей за свои годы, а эта была вполне ожидаема, — но очень опечалился. Вот ещё одним участником великой войны стало меньше. И я, к своему сожалению, не успел написать о Василии Ивановиче при его жизни — о том, как он крутил баранку на фронтовых дорогах, под свист пуль и грохот разрывов снарядов и бомб. Как рвали его тело осколки вражеского металла, но он, оправившись от ран, снова садился за руль. Как в мирной жизни остался верен фронтовой профессии и наматывал на колёса машины тысячи километров, развозя нужные для восстановления народного хозяйства грузы. Как болели его раны и раскалывалась от ужасного гула и звона контуженая голова, когда менялась погода или когда расстраивался. Но он не мог валяться долго на койке — его гнали за баранку профессиональный долг и обязанность перед государством и семьёй, которую надо было кормить.

И хотя не было моей вины в том, что я обо всём этом не написал в очерке про Василия Ивановича — так уж сложились обстоятельства, — всё равно я

чувствую себя перед ним виноватым. Простите меня, дядя Вася! И пусть хоть эти скупые строки послужат памятью о вас, славном воине и неутомимом труженике фронтовых и мирных дорог...

Кровные узы

Кыл декабрь 1997 года. Я лежал в отделении сосудистой хирургии с обострением. В палате со мной также мучились болями, терзающими их ноги изза недостатка кислорода, плохо поступающим в ткани с кровью по суженным или вообще «забитым» артериям, ещё двое мужиков.

Артур Иванович лежал, как и я, под капельницей. А Витя Брюханов, мужик лет сорока из канской глубинки, беспокойно хромал по палате. Подошла его очередь на «штаны» — операцию по аорто-бедренному шунтированию. Это когда делают разрезы на животе и бёдрах в форме штанов, чтобы добраться до артерий.

Во время этой длительной операции больному постепенно вливают до двух литров теряемой крови. А в 90-е её катастрофически не хватало — доноров лишили всех льгот, и они перестали сдавать кровь. Так что больным зачастую надо было самим раздобывать для себя доноров, или покупать кровезаменитель — плазму. Даже бинты надо было иметь свои!

Хорошо было тем, у кого в городе имелись родственники или друзья, онито и становились донорами. У Вити в Красноярске никого не было.

В его деревне, откуда ему на медсестринский пост изредка звонила мать, доноров нормальных просто не осталось, да и кто бы их сюда привёз и увёз? Денег на плазму у Вити тоже не было. И помочь ему было некому, он жил со старенькой матерью один, жену же у него отбил и увёз несколько лет назад в неизвестном направлении его же лучший друг, о чём Витя как-то поведал нам в порыве откровенности.

Мы бы с Иванычем с радостью отдали ему свою кровь, но у нас её не брали. Денег и у нас тоже не было — тогда, если помните, везде было плохо с наличкой, зарплаты вырывались с боем. Вите оставалось лишь уповать на чудо. До операции оставалось два дня, а у него ни крови, ни плазмы. Операцию же откладывать было крайне нежелательно — могла начаться гангрена...

И назавтра свершилось чудо. Пришёл заведующий отделением и сказал, что Витю будут готовить к операции.

- Дак, а кровь-то?.. испуганно спросил Витя. Оказалось, кто-то сдал для Вити свою кровь.
 - Но кто... растерянно сказал Витя. Однако завотделением уже ушёл.

Витю на операцию забрали следующим утром. Его не было двое суток. Прикатили Витю в палату из реанимации бледного, с сизыми небритыми щеками, но уже с живым огоньком в глазах.

Перебинтованный с бедёр и почти по грудь, он слабым, но счастливым голосом рассказывал, как его усыпляли перед операцией, а он никак не мог заснуть, как тоскливо и больно ему потом было в реанимации.

К вам посетитель!

В дверях палаты улыбалась медсестра Танечка. Мы обернулись все трое: к кому? Оказалось, Танечка улыбается Вите! Она впустила в палату мужчину примерно наших лет, с накинутым на плечи белым халатом.

- Серёга!?– изумлённо спросил Витя и даже попытался приподняться с постели, но сморщился от боли и снова упал на подушку. Откуда? Как ты меня нашёл?
- Да уж нашёл, сказал посетитель, усаживаясь на стул рядом с кроватью Вити. Живу я в Красноярске. А в деревню звоню иногда, вот и узнал. Ну, как ты?
- Да нормально, почему-то помрачнев, сказал Витя. Операцию вот сделали, ногу мне спасли...
 - Знаю, проявил свою осведомлённость гость и улыбнулся.

Витя вгляделся в эту улыбку, и на лице его вдруг проявилось явное замещательство.

– Погоди, – хрипло сказал он. – А это... Кровь-то не ты ли для меня сдавал, а?

Теперь пришла очередь замолчать Сергею. Наконец, он с неохотой сказал:

- Ну, я. Мне завотделением всё рассказал, когда я узнавал насчёт тебя... Да это... ты не думай... Стал бы я тебе один целых два литра своей крови сдавать, как же! Я взял ещё мужичков из своей бригады.
- Значит, это ты... продолжал упрямо твердить Витя. Ну, спасибо, раз так. Только я тебя всё равно не прощу за Ольгу, понял? И этими своими... кровными узами... ты меня не свяжешь, понял?

Сергей неожиданно опять широко улыбнулся.

– Ну, раз сердишься, значит, будешь жить. А больше мне ничего не надо! Бывай, друг! И вы, мужики, бывайте!

И Сергей, пожав неподвижно лежавшую на груди Вити его руку, попятился к выходу.

Уже в дверях его нагнал негромкий Витин оклик:

- Слышь, Серёга! Ольге тоже от меня привет. Живите, хрен с вами!..

И по просветлевшему лицу Сергея стало понятно, что эти слова для него были лучшей благодарностью бывшего друга. А может, и не бывшего.

Он молча кивнул и вышел из палаты...

Червячок Петя

П недавно впервые внука своего на рыбалку вывез. Ну, приехали мы на озерко моё любимое. Я пока машину в тенёчек ставил, внучок тем временем на берегу играл, что-то там выкапывал, закапывал.

Hy, вот, все приготовления вроде закончил, удочки размотал, говорю внуку:

- Игорёша, неси-ка мне ту банку, с червячками которая.
- Щас, деда! говорит. И бегом ко мне.

Я заглянул в банку – а там червей штук с пяток всего осталось.

- А где остальные? спрашиваю.
- Ушли погулять, отвечает.

Вот чертёнок! Это же он с наживкой моей игрался!

- «Ай, ладно! думаю. Можно и на пяток червей неплохо поймать».
- Ну-ка, говорю, дай мне одного из них.

Игорёшка выудил из банки самого жирного червя.

– Вот, – говорит, – деда, познакомься, это Петя.

Я удочку уронил.

- Какой ещё, говорю, Петя?
- Да вот же, суёт мне руку с извивающимся червяком внучек. Скажи ему: здравствуй, $\,$ Петя!
 - Здорово, Петя! машинально поприветствовал я червяка.

Взял его. И уже не знаю, что с ним делать. Был бы просто червяк — всё понятно. А тут — Петя...

- И что ты с ним будешь делать? спрашивает внучек.
- Ну, на крючок его насажу, и в воду закину.
- Петю? На крючок?! вытаращил на меня глаза Игорёшка. Но ему же больно будет.
 - Будет, вынужден был я признаться. Но немножко.

И тут внучек выхватил у меня из руки червя.

- Нет, деда! - сказал он очень решительно. - Не дам я тебе Петю колоть крючком.

И неумело замахнувшись, кинул червяка Петю подальше в траву. Петя, не будь дураком, немедля уполз.

— Ну, дай же мне кого-нибудь другого, — взмолился я. — Того, с кем ещё не успел познакомиться.

Но внучек уже вытряхивал из банки и оставшихся червяков.

– Деда, – сказал он. – Я их тоже знаю. Их зовут Гриша, Коля, Паша и... И Маша.

Так и пропала наша рыбалка. Но я почему-то не расстроился...